

УДК 81

О.Ю. Рождественская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

г. Москва, Россия

o.rozhdestvo@gmail.com

**ГЕРОЙ-РАССКАЗЧИК В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ЗАПИСКИ ИЗ ПОДПОЛЬЯ»**

**[*Rozhdestvenskaya O.Yu.* Character as a narrator in F. Dostoyevsky's novella
“Notes from the Underground”]**

The article undertakes a thorough review of F.M. Dostoyevsky's novella “Notes from the Underground” in the aspect of dialogism. Based on the analysis the author draws a conclusion that intellectual and emotional peculiarities of the main character appear mainly in his speech. In this context the style of novella is affected by the style of character-narrator's speech. He enters into disputes with people, with the world and with himself and very frequently uses ‘alien words’ that is resulted in the spirit of dialogism in the novella. Here the ‘alien word’ either influences the speech internally (in the beginning of the novella) or acts as an installment of the reader and penetrates into the speech. So it is instructive to speak about narrator's attention not only to the ‘alien word’, but also to the another person's opinion or attitude because the condition of Underground person (hatred for people, unsociability and distrust) implies on his attitude to the world.

Key words: dialogue, double-voiced word, narrator, antihero, ‘alien word’, dialogism.

Аналізу ранних повестей Достоевского, в том числе обозначенной в заглавии («Записки из подполья») посвящена огромная литература («Достоевский-художник. Этюды и исследования» В.Я. Кирпотина, «Ранний Достоевский. 1821-1849» В.С. Нечаевой, «В мире Достоевского» Ю. Селезнёва, «Мечтатели Достоевского: «Бедные люди» – «Белые ночи» В.И. Этова и др.) Особое место среди исследователей принадлежит М.М. Бахтину, зафиксировавшему уже в ранних произведениях писателя присутствие диалогизма, который проявился в наличии «двуголосого слова», «слова с оглядкой», т.е. слова, ориентированного на чужое слово, на чужую речь. По мнению учёного, в «Записках из подполья» нет ни одного монологического слова; «напряжённое отношение к чужому сознанию у «человека из подполья» осложняется не менее напряжённым диалогическим отношением к себе самому» [2, с. 176]. Социолог В.А. Бачинин, обратившись относительно недавно к анализу повести, сделал неожиданный вывод, что «Записки из подполья» – самое

«недиалогическое» произведение Достоевского: «Способность погружаться в свое подполье как в индивидуальный отсек общего ада, долгое время оставаться там и оттуда взирать на остальной мир позволяют Подпольному господину ощутить свою отдельность, изолированность от обыденной социальной жизни человеческих масс. Для него <...> существует только одна возможность – отказаться от интеллектуальных, эмоциональных, душевных взаимодействий с людьми и погрузиться в исследование закоулков своего темного внутреннего лабиринта, возведя это исследование в ранг главной экзистенциальной задачи» [1, с. 185]. Опираясь на бахтинские и многие последующие работы, не трудно доказать, что это произведение является одним из самых «диалогических сочинений» писателя, и это проявляется самым различными способами, в том числе в типе поведения, в образе мысли и в речи героя, который одновременно выступает в роли рассказчика.

Повесть состоит из двух частей. Согласно принципу построения произведений, где совмещаются роли главного героя и рассказчика, повествование ведется от первого лица. Первая часть носит исключительно исповедальный характер. Здесь герой излагает свои взгляды, вступая в полемику с различными идеологами, в том числе с социалистами. Он высказывается против просветительской концепции человека, против абсолютизации естественнонаучных методов при определении законов человеческого бытия («рассудок есть только рассудок и удовлетворяет только рассудочной способности человека, а хотенье есть проявление всей жизни» [4, с. 115]). Подобные тенденции можно было усмотреть в работах русских революционных демократов 1960-х гг. Эту мысль высказала Б. Ламбек, увидев в повести полемику Ф.М. Достоевского с Н.Г. Чернышевским, конкретнее, с его теорией «разумного эгоизма» [6].

Во второй части повести показаны отношения героя с окружающими – с сослуживцами (Симоновым, Ферфичкиным, Трудолюбовым, в том числе с главным «врагом» героя – Зверковым) и с Лизой, девушкой из публичного дома, с которой он знакомится после унижительного обеда в компании с указанными лицами. И поступки, и слова героя позволяют судить об истинных человеческих качествах, которые удалось сохранить герою, несмотря на многочисленные унижения и издевательства со стороны «приятелей». Когда герой дает Лизе свой адрес и предлагает ей прийти к нему, становится понятно, что в нем просыпается сострадание к бедной девушке, оказавшейся в еще более трудном положении, чем он сам.

В ходе общения с другими людьми и пребывания наедине с самим собой герой (он же рассказчик) постоянно спорит с читателями, оправдываясь перед ними или упрекая их. Как замечает Й. Догнал, в речевом многоголосии «Записок из подполья» мысли главного персонажа вступают в диалог со взглядами «господ», к которым он обращается, с репликами сослуживцев, со словами Лизы и, наконец, со своими собственными суждениями, т.е. с мыслями alter ego героя. По мнению Догнала, анализируемый персонаж «не выступает в качестве до конца сформированной личности, обладающей устоявшейся и упорядоченной совокупностью взглядов» [3, с. 8]. Это обобщение во многом справедливо, но требует дальнейшего обсуждения. Если принять во внимание социальный статус героя, то его прежде всего следует отнести к типу «маленького человека», как принято называть таких героев в русской литературе, т.е. к такому типу героев, как Башмачкин из «Шинели» Н.В. Гоголя или Деушкин из «Бедных людей» Ф.М. Достоевского. Но по своим взглядам на жизнь, по позиции или даже мировоззрению «подпольный человек» – это совершенно другой тип личности, в силу чего Достоевский недвусмысленно называет его «антигероем»: «В романе надо героя, а тут нарочно собраны все черты для антигероя...» [4, с. 178]. Его «позиция» заключается в том, что он отрицает пошлость всего видимого и описанного им самим мира, при этом постоянно сомневается и даже спорит с самим собой: «Вы скажете, что пошло и подло выводить все это теперь на рынок, после стольких упоений и слез, в которых я сам признался. Отчего же подло-с? Неужели вы думаете, что я стыжусь всего этого и что все это было глупее хотя чего бы то ни было в вашей, господа, жизни? <...> А впрочем, вы правы; действительно, и пошло и подло» [4, с. 134]; «Что ж? я мог ожидать, что она это сделает. Мог ожидать? Нет. Я до того был эгоист, до того не уважал людей на самом деле, что даже и вообразить не мог, что и она это сделает» [4, с. 177]. Один из исследователей, И.И. Евлампиев так говорит о позиции героя «Записок»: «Главным качеством сознания в той концепции, которую развивает Достоевский, является как раз его неразрешимая антиномичность, проявляющаяся в динамике бесконечно опровергающих друг друга, но и отражающих друг друга интенций» [5, с. 11].

К сказанному надо добавить, что во всех высказываниях героя-рассказчика ощущается потребность в исповедальности, т.е. в желании высказать слу-

шателю или читателю все, что у него на душе. Эмоциональная окраска речи подтверждает то, что необходимость обмена мыслями и предмет этих мыслей очень важен для рассказчика и беспокоит его. Он нуждается в том, чтобы подытожить свои мысли («Я уже свои заветные *идейки*, в углу выжитые, жаждал изложить...» [4, с. 155]), а также показать, как его теоретические «открытия» могут быть реализованы «на деле».

В начале повести герой предпринимает попытки предусмотреть реакцию читателей на свои слова, хотя и старается доказать, что ему абсолютно безразлично чужое мнение: «Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чем-то перед вами раскаиваюсь, что я в чем-то у вас прощения прошу?.. Я уверен, что вам это кажется... А впрочем, уверяю вас, что мне все равно, если и кажется...» [4, с. 100]. И далее: «Он глуп, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете? Может быть, это даже очень красиво» [4, с. 104].

Герой постоянно ощущает неприязнь со стороны окружающих и понимает, что никому не нужен: «...я очень хорошо замечал, что сослуживцы мои не только считали меня чудаком, но – всё казалось мне и это – будто бы смотрели на меня с каким-то омерзением» [4, с. 108]; «Вообще же я всегда был один...» [4, с. 110]; «Я возненавидел их [одноклассников] тотчас и заключился от всех в пугливую, уязвленную и непомерную гордость. Они цинически смеялись над моим лицом, над моей мешковатой фигурой...» [4, с. 113]. Не случайно, он ненавидит всех: сослуживцев, начальников, даже незнакомых людей и случайных прохожих. Такая позиция особенно наглядно проявляется в следующих, часто цитируемых словах: «Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить» [4, с. 174]. На основании сказанного нельзя не прийти к заключению, что перед нами глубокий конфликт героя с внешним миром.

Продолжая осмыслять этот конфликт, можно заметить, что он распространяется на отношения с друзьями, давними сослуживцами, бывшими школьными товарищами. Они его презирают, как и он их: «Так не третировали меня даже в школе, хотя все меня там ненавидели» [4, с. 132]; «Я подозревал, что я был ему [Симонову] очень противен, но все-таки ходил к нему, не уверенный в том наверно» [4, с. 135]. Встреча с Лизой показала, что кто-то

может и готов отнестись к нему хорошо, доброжелательно, чутко, отзывчиво, но он разрушает взаимоотношения с Лизой своим бестактным поступком – попыткой заплатить деньгами за доброе отношение к нему.

По-видимому, на почве и вследствие столь сложных отношений с окружающими у героя возникает конфликт и с самим собой. Он пытается анализировать свое состояние и свои чувства, но явно не способен понять и себя: «И вот (я ведь омерзительную правду пишу), лежа ничком да диване, накрепко, и уткнув лицо в дрянную кожаную подушку мою, я начал помаленьку, издалека, невольно, но неудержимо ощущать, что ведь мне теперь неловко будет поднять голову и посмотреть Лизе прямо в глаза. Чего мне было стыдно? - не знаю, но мне было стыдно» [4, с. 175]. Здесь с очевидностью в речи героя появляется и «слово с оглядкой» (т.е. «чужое слово»), но в отличие от Макара Алексеевича Девушкина, который таким образом оправдывал свое существование перед Варенькой и подобными ей людьми, у данного героя это слово трансформируется в весьма агрессивное. Герой не старается оправдаться перед читателями или перед собой. Скорее, он ищет адресата, собеседника для спора, для оскорблений. Не находя такового, он «бросает вызов» читателям, а вслед за тем и всему миру: «Кто живет дольше сорока лет, – отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут. Я всем старцам это в глаза скажу, всем этим почтенным старцам, всем этим серебряным и благоухающим старцам! Всему свету в глаза скажу!» [4, с. 101].

Думая о читателях, он переносит и на них свои чувства, будучи уверенным, что они – люди с таким же характером, как и он, что они уже раздражены его рассуждениями и вроде бы должны понять его: «Наверно, вы думаете, господа, что я вас смешить хочу? Ошиблись и в этом. Я вовсе не такой развеселый человек, как вам кажется или как вам, может быть, кажется; впрочем, если вы, раздраженные всей этой болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто ж я таков именно?...» [4, с. 101]. Возможно, он сам недоволен своими шутками, и иногда использует «голоса» читателей, чтобы осудить самого себя: «Вам скверно слушать мои подленькие стоны? Ну так пусть скверно; вот я вам сейчас еще скверней руладу сделаю... <...> Мои шутки, господа, конечно, дурного тона, неровны, сбивчивы, с самонедоверчивостью. Но ведь это оттого, что я сам себя не уважаю. Разве сознающий человек может сколько-нибудь себя уважать?» [4, с. 107].

Примеры, подобные этому, встречаются в разных местах текста: «А спросите, для чего я так сам себя коверкал и мучил? Ответ: затем, что скучно уж очень было сложа руки сидеть; вот и пускался на выверты. Право, так. Замечайте лучше сами за собой, господа, тогда и поймете, что это так» [4, с. 108]; «другой раз влюбиться насильно захотел, даже два раза. Страдал ведь, господа, уверяю вас» [4, с. 108]. Или: «Попробуйте же бросьте взгляд на историю человечества; ну, что вы увидите? Величественно? Пожалуй, хоть и величественно; уж один колосс Родосский, например, чего стоит! <...> Пестро? Пожалуй, хоть и пестро... <...> Однообразно? Ну, пожалуй, и однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся, и прежде дрались, и после дрались, – согласитесь, что это даже уж слишком однообразно» [4, с. 116]. «Величественно... Пестро... Однообразно...» – это как бы голоса читателей, которые он приписывает им и сам же отвечает на них. Ему кажется, что он уже заранее знает их мнение и предвидит возражения, которые у них могут возникнуть.

В конце повести герой еще более удивляет – он обвиняет читателей в том, что они сами, в отличие от него, никогда не жили настоящей жизнью: «Ну, попробуйте, ну, дайте нам, например, побольше самостоятельности, развяжите любому из нас руки, расширьте круг деятельности, ослабьте опеку, и мы... да уверяю же вас: мы тотчас же попросимся опять обратно в опеку. <...> Что же собственно до меня касается, то ведь я только доводил в моей жизни до крайности то, что вы не осмеливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумие, и тем утешались, обманывая сами себя. Так что я, пожалуй, еще «живее» вас выхожу» [4, с. 178]. Здесь он предсказывает возможное отношение окружающих к нему («ваши мизеры в подполье») и заключает, что и он, и читатели – люди одного типа, но он оказался «живее», так как всё в жизни старался доводить до крайности.

Таким образом, анализ повести «Записки из подполья» подтверждает мысль самого Достоевского о том, что он изобразил в качестве центрального героя такого персонажа, которого сам назвал антигероем. Примеры такого типа действующих лиц встречаются в произведениях словесного искусства, начиная с фольклорных текстов, включая авантюрно-плутовской роман XVI в. и более поздних периодов. Такого рода герой, как правило, умен, ловок, хитер, предприимчив, но его поступки не всегда соответствуют привычным христианским представлениям о нравственности. Герой Достоевского, кото-

рого он именуется подпольным человеком или парадоксалистом, тоже весьма не глуп, о чем свидетельствует его желание рассуждать, спорить, делиться мыслями, но существо его мыслей заставляет сомневаться в степени их нравственной значимости. Нельзя не признать оправданным и его конфликт с обществом, но не случайно он приводит героя к конфликту с самим собой и к противоречиво воспринимаемым мыслям.

Интеллектуальные и эмоциональные особенности этого героя весьма активно проявляются в его речи. М.М. Бахтин писал о «сильнейшем, всеопределяющем влиянии чужого слова на стиль повести» [2, с. 176]. Но ведь стиль повести во многом определяется стилем речи героя-рассказчика, который по разным поводам и в разных случаях, ведя полемику с конкретными людьми, с миром, с самим собой, очень часто прибегает к использованию «чужого слова», обуславливая присутствие диалогического начала в произведении. «Чужое слово» в данном случае или действует на речь скрыто изнутри (как в начале повести) или, как предвосхищенная реплика другого (читателя), «внедряется в ее ткань» [2, с. 178]. При этом уместно говорить об «оглядке» не только на «чужое слово» (как это чаще всего бывало в «Бедных людях»), но и на чужое мнение или отношение. Состояние Подпольного человека (ненависть к людям, замкнутость и недоверие) – это его отношение к миру. В дальнейшем, в поздних «великих романах» Достоевского («Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот», «Братья Карамазовы») «оглядка» на другого героя будет подразумевать действительную полемику с современными идеями и концепциями, отстаивание своих мыслей по поводу общественных проблем, что даст основание М.М. Бахтину утверждать, что благодаря такому диалогу рождается полифонический роман Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бачинин В.А.* Петербург-Москва-Петушки, или «Записки из подполья» как русский философский жанр. М., Общественные науки и современность. 2001. №. 5.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963.

3. *Догнал Й.* «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского – ценностно ориентированный полилог? // Русский литературный журнал «Парус». 2011. Вып. 10. [Электронный ресурс] <http://parus.ruspole.info/node/233>. 11.10.2014.
4. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972-1989. Т. 5. 1973.
5. *Евлампиев И.И.* «Записки из подполья» Ф. Достоевского: неклассическая концепция сознания // Соловьёвские исследования. Ивановский государственный энергетический университет. Вып. 3. 2011.
6. *Lambeck B.* Dostoevskijs Auseinandersetzung mit dem Gedankengut Černyševskijs in “Aufzeichnungen aus dem Untergrund”. Tübingen, 1980.

REFERENCES

1. *Bachinin V.A.* Saint-Petersburg-Moscow-Petushki, or “Notes from the Underground” as a philosophical genre. M., Social sciences and modernity. 2001. N. 5.
2. *Bakhtin M.M.* Problems of Dostoyevsky’s. M.: Soviet Writer, 1963.
3. *Dognal Y.* F.M. Dostoyevsky’s “Notes from the Underground” as a value-oriented polylogue // Russian literary magazine «Sail». 2011. Issue 10. [Digital resource] <http://parus.ruspole.info/node/233>. 11.10.2014.
4. *Dostoyevsky F.M.* Complete works: in 30 vols. L., 1972-1989. Vol. 5. 1973.
5. *Evlampiev I.I.* «Notes from the underground» by F. Dostoyevsky: non-classical conception of consciousness // The Solovyov Research. Ivanovo Power Engineering Institute. Issue 3. 2011.
6. *Lambeck B.* Dostoyevsky’s discussion with Chernyshevsky’s ideas in “Notes from the Underground”. Tübingen, 1980.

15 февраля 2015 г.